

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Къ № 105.

Къ № 105.

Въ воскресенье, 21-го мая 1906 года.

Необыкновенный нищій.

Переводъ съ французскаго для „Сиб. Живн.“

Жоржъ Моревьеръ.

— Да, нищій... милостина... проговорилъ Гаспаръ Девиль среди всеобщаго молчанія. Три года тому назадъ я былъ свидѣтелемъ одного замѣчательнаго происшествія, въ которомъ главную роль игралъ тоже... нищій... Если хотите, господа, я расскажу вамъ эту любопытную исторію.

Разговоръ этотъ происходилъ въ богатомъ, аристократическомъ домѣ во время обѣда. Гости послѣ шампанскаго были въ отличномъ настроеніи и весело и непринужденно бесѣдовали. Кто-то изъ нихъ случайно вспоминалъ о замѣткѣ во вчерашней газетѣ, въ которой говорилось о наслѣствѣ въ 30 000 руб., оставшемся послѣ смерти одного нищаго, и разговоръ, благодаря этому, перешелъ на бѣдныхъ. Гости ирививъ и късь высказывали свое отношеніе къ бѣднымъ, нищимъ, къ подаянію, къ милостынѣ и, когда матеріалъ у всѣхъ уже истощился, Девиль предложилъ изъ свою исторію.

— Рассказывайте!.. рассказывайте!.. Это должно быть очень интересно!.. Только скорѣе, дорогой Девиль!.. послушалось со всѣхъ сторонъ.

И молодой художникъ, сбросивъ въ салфетку пепелъ душистой сигары и вышивъ глотокъ вина, началъ:

— Я былъ какъ то приглашенъ въ храмъ Богоматери къ вѣчанію своего друга... Когда, по окончаніи церемоніи, я выходилъ уже на улицу, мой взглядъ случайно упалъ на сдвинутаго, поразившаго меня своей вѣжливостью и лаской. Это былъ рѣдкой красоты, еще совсѣмъ здоровый и бодрый старикъ, лѣтъ 60—65. Его роскошная, волнистая, бѣлая, какъ снѣгъ борода, совершенно закрывала его грудь и дѣлала его похожимъ на священнаго бѣлѣбенаго патріарха... Это было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя на вѣки запечатлѣваются въ памяти и которыя никогда не забываются. Его темныя глаза подъ сѣдыми бровями и густой тоже сѣдой шевелюрой, казались, притягивали къ себѣ своимъ лучезарнымъ свѣтомъ, добротой и ласковостью. Онъ на выгнутой рукѣ держалъ, какъ въ нищѣ, папку, но въ его позѣ было столько величественнаго и торжественнаго, столько спокойнаго и самоувереннаго, что можно было подумать, что это не нищій, а святой старецъ, оставившій внутренность храма и благославнолежащій здѣсь всѣхъ, вступающихъ въ него...

Я досталъ въ карманѣ пальто нѣсколько мелкихъ монетъ и быстро передалъ ихъ ему.

— Да возвратитъ вамъ Господь сторицею, добрый человѣкъ!.. раздался вслѣдъ за мною мягкій и звучный голосъ нищаго, но я, не оглядываясь, вышелъ на улицу и отправился домой.

По дорогѣ я остановился у одной витрины съ античными рѣдкостями, изъ которыхъ мнѣ особенно приглянулась книга, помѣченная XVI в. Я вошелъ въ магазинъ и хотѣлъ ее купить, но вспомнилъ, что оставилъ кошелекъ дома, а зачаточной мною на всѣхъ случай золотой монеты не хватилъ на уплату...

— Послушайте, обратился я къ антикварію, спуская руку въ карманъ за золотыя монеты, вотъ вамъ 20 франковъ, пришлите эту книгу ко мнѣ домой—я тамъ расплачусь по счету...

Но, о ужасъ!.. вмѣсто золотой монеты у меня въ карманѣ оказался су... Нѣтъ сомнѣнія, что я по ошибкѣ отдалъ ее тому нищему!.. Скверная ошибка... Но—что дѣлать?... Выть по сему!..

— Оглядите эту книгу для меня... Я часа черезъ два три зайду за ней!.. обратился я къ букинисту и отправился домой.

Я прошелъ было уже почти сто шаговъ по, направленно къ дому, какъ вдругъ мнѣ въ голову влетѣла очень странная мысль разнести этого нищаго и получить обратно свои 20 фр., господа, какъ и въ сечастъ, нисколько не сомнѣваясь въ безрезультатности моихъ трудовъ, но какое то сильное предчувствіе тивуло меня къ этому нищему и не позволяло слушать голосъ здраваго разсудка...

Я долженъ вамъ, господа, замѣтить, что это предчувствіе не обмануло меня: то что послѣдствіемъ случилось, превзошло все мои ожиданія...

— Но—слушайте дальше. Итакъ, я отправился на поиски. Я обошелъ кругомъ весь храмъ, но къ моему глубокому огорченію нищаго старика нигдѣ не оказалось. Положеніе мое было очень глупое, и я отъ злости не зналъ, что

— Вы знаете, господа, эту часть города гдѣ помѣщаются всѣ крупная конторы, банкирскіе дома или собственные отели? И этотъ старикъ жила тамъ же тамъ!.. Я никакъ не могъ понять, какима образомъ онъ туда забрался? Но возможно, что какъ-нибудь англійская душа отдала ему мансарду у себя въ домѣ... Клянусь вамъ, что никто изъ васъ не угадаетъ, что я увидѣлъ тамъ!

— Въ банкѣ?.. не поглядѣть ли... Вы вѣроятно ошибаетесь... Мнѣ нуженъ Лаборжюбъ, старикъ, съ большой сѣдой бородой...

Совершенно вѣрно! величественно провозгласилъ швейцаръ. Они теперь въ банкѣ!

У меня въ эту минуту былъ очевидно очень глупый видъ, если судить по тому что швейцаръ послѣ этихъ словъ грубо повернулся ко мнѣ спиной и ушелъ къ себѣ въ комнату...

— Что дѣлаетъ этотъ нищій въ банкѣ?.. мелькнуло у меня въ головѣ. Начево не понимаю!..

Въ передней банка меня встрѣтилъ директивный лакей. При моемъ приходѣ онъ отложилъ газету въ сторону и сухо обратился ко мнѣ:

— Что прикажете, сударь?

— Могу ли я видѣть Лаборжюба?

— Господинъ Лаборжюба?.. рѣвно переспросилъ онъ. Директора? Онъ теперь на засѣданіи совѣта... Позвольте карточку—я доложу!..

— Господинъ Лаборжюба?.. Директоръ банка?.. Нищій у храма Богоматери? Чортъ знаетъ, что здѣсь творится!..

Я отдалъ ему свою вѣзанную карточку. Минуту черезъ 5 лакей пригласилъ меня въ кабинетъ директора.

Меня ввели въ роскошный, ярко освѣщенный залъ. Шелковые ковры, величественныя картины въ золоченныхъ рамахъ, огромныя зеркала и тяжелыя гардины украшали стѣны и окна этой прекрасной комнаты. Справа красовался бѣлый мраморный каминъ, на которомъ были небрежно разбросаны замѣчательныя бронзовыя статуэтки, сервизы вазы, японскія и китайскія бездѣлушки... Такая вещь можно видѣть только въ музеяхъ или же у любителей драгоценныхъ коллекцій... А въ передней угау за рѣзнымъ письменнымъ изъ чернаго дерева столомъ во вкусѣ Людовика XVI спокойно и уверенно возсѣдалъ великолѣпный старикъ съ огромной длинной бородой и густой сѣдой шевелюрой.

Да, это былъ господинъ Лаборжюбъ!.. Ненавищу почему, но было больно и досадно узнать въ этомъ красивомъ семидесятилѣтнемъ старикѣ въ хорошо шитомъ черномъ сюртукѣ смиреннаго нищаго у храма Богоматери...

— Г. Гаспаръ Девиль?.. Чѣмъ могу служить?.. обратился онъ ко мнѣ, отстраня отъ себя папку писемъ и пригласивъ меня жестомъ своихъ красивыхъ бѣлыхъ рукъ сѣсть.

Я употребилъ все свои усилія, чтобы не упасть въ обморокъ отъ охватившаго меня смертельнаго холода... Вѣдь мнѣ не поздоровится, если все это—ошибка!.. У меня такъ тряслась колѣня, что я посиѣдывалъ сѣсть изъ кресла; чтобы не свалиться на блестящій какъ зеркало полъ... Я съ удивительнымъ провалился бы въ эту минуту снова землю или ударилъ бы, куда глаза глядятъ, если бы хоть капля нибудь возможность... Но было уже поздно... Я рѣшилъ выжить чашу по дна... Клянусь у меня запылали, горло сжимали спазмы и прошло добрыхъ пять минутъ, пока я могъ что нибудь проговорить...

— Видите ли, господинъ... очень просто... дѣло въ томъ, что... Мнѣ кажется, что я имѣлъ уже честь... да, я... увидѣлъ въ этомъ... я видѣлъ васъ уже сегодня... Это правда было такъ случайно... внезапно... мамолетно...

Старикъ спокойно и вѣжливо улыбнулся.

— Весьма возможно, г. Девиль! Но я столько народу вижу ежедневно, что, право, не помню...

— По моему снѣгъ пробѣжалъ мурашки, но я смѣю не менше, держался уже тверже.

— Это было у... входа въ храмъ Богоматери... если я не ошибаюсь... это именно вы...

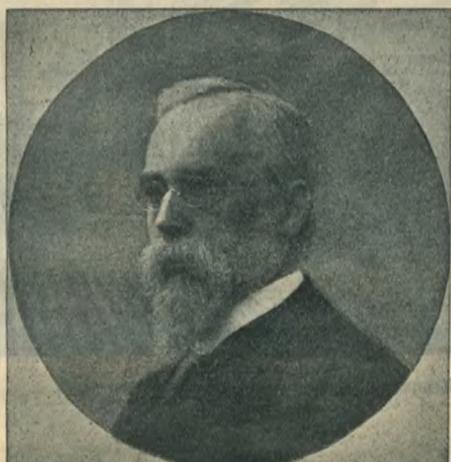
— Весьма возможно... охотно вѣрю!..

— Во время вѣчанія!.. Вы вспоминаете меня?.. Да?..

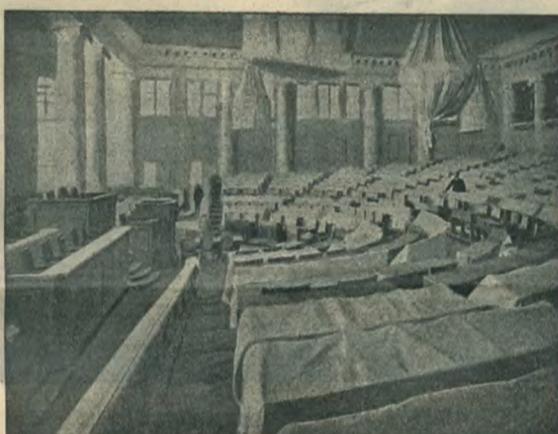
Онъ промолчалъ, но его жестъ заставилъ меня снова заговорить.

— Да?.. Я имѣлъ тамъ честь... Вы помните господина Лаборжюба?.. мило... я имѣлъ удовольствие... я подавалъ вамъ... милостина!..

— Весьма возможно, сударь! У меня вѣтъ основаній не вѣрить вамъ... Но я хо-

Предсѣдатель Государственной Думы, профессоръ Сергій Андреевичъ Муромцевъ.

Залъ засѣданія Государственной Думы.

съ собою сдѣлать... Я не могъ простить себѣ этой глупости... Къ чему было тратить время, когда 20 фр. все равно пропадутъ?.. И пока я стоялъ и обдумывалъ свое смѣльное положеніе, ко мнѣ подошелъ какой то нищій съ протязнутой рукой. Я отдалъ ему свой послѣдній су и обратился къ нему съ вопросомъ—клянусь, что это было для меня самого полной неожиданностью!—о мѣстожителствѣ того старика, его коллеги...

О, сударь, кто же не знаетъ господина Лаборжюба?.. Вы теперь застанете его у себя дома: улица Риншель, 5, первый этажъ...

— У себя дома?.. Риншель... подумалъ я... самая богатая, самая красивая часть города... Мг... странно... Господинъ!.. Господинъ Лаборжюба?.. Эта исторія меня все болѣе и болѣе заинтересовывала.

Я отправился по указанному адресу. Погода стояла великолѣпная, на темноголубомъ небѣ не замѣтно было ни одного облачка, и притяивъ въ это время дня по лучшему улочкамъ города могло доставить только одно удовольствіе.

Домъ № 5 оказался великолѣпнымъ палаццо, пригодно для министра... У подъѣзда дома красовалась бѣлая, металлическая топечка, на которой были выгравированы слѣдующія слова:

Анонимная компанія
„Пауперистскій Банкъ“.

ГЛАВНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

Первый этажъ.

Я прошелъ въ роскошно отдѣланный коридоръ, гдѣ меня встрѣтилъ очень пріятный швейцаръ въ бакепахъ и съ брѣвными усами...

— Не у васъ ли... поселился. вѣднѣ!.. Лаборжюбъ?.. обратился я къ нему не безъ внутренняго содроганія.

— Какъ же, сударь, у насъ! Вы найдете ихъ въ банкѣ—первый этажъ, вальво...

тль бы знать, что собственно ставило вас продлить со мною знакомство?

— Я ждал, что вы возмущаетесь моими словами, что вы разсердитесь, не захотите даже отпустить... что вы потребуете удовлетворения или сочтете меня сумасшедшим... Я ждал всего, только не этого хладнокровия... Мое раздражение достигло высшего предела, и я нервно и дерзко прервал его:

— Значит, господин Лабаржобъ, вы тотъ шпидъ, которому я далъ милостыню?

— Я кажется имѣлъ уже трижды честь подтвердить это? проговорилъ онъ, отчеканивая каждое слово и глядя мнѣ въ глаза. Но все это не объясняетъ мнѣ...

— И такъ вы устали меня? рѣзко оборвалъ я его.

— Я думаю, что даже не выдаль васъ... такъ какъ мои глаза по всей вѣрности были обращены къ небу, пока вы давали мнѣ свое су...

— Простите, сударь! Не су, а двадцать франковъ!.. Въ томъ то и дѣло! — Мг... Ошибка!.. проговорилъ онъ небрежно и слегка нахмуривъ брови. Вы, несправа ли, пришли затѣмъ, чтобы исправить ее?.. Что же!.. Ничего не можете быть легче!

Онъ быстро подвинулся и подошелъ къ углу комнаты, гдѣ находилась огромная желѣзная касса. Открылъ ее, онъ вынулъ оттуда тѣлѣзку, туго-набитый мѣшечекъ, сѣлъ обратно на свое мѣсто и флегматично равняясь переку, высматривалъ на столъ его содержимое. Это была огромная куча металлическихъ монетъ, среди которыхъ часто попадались и серебряными.

— Вотъ все, что я сегодня собралъ... спокойно объясняетъ онъ... Я не могъ провѣрить вашего заявления, такъ какъ не считалъ еще сегодня своей вырубкой... Но это не долго... Наконецъ, если вы сѣдете, то помогите мнѣ рассмотреть...

Онъ спокойно разбрасывалъ по всему столу монеты, среди которыхъ блеснула золотой...

— Вотъ онъ!.. Видите... Это мой... Онъ улыбулся и вѣжливо протянулъ мнѣ монету:

— Получите вашу двадцать франковъ...

Но я тотчасъ же возвратилъ ее ему обратно:

— Господинъ Лабаржобъ!.. Я, видите ли, большой любитель рѣзкихъ прощешствъ и люблю всегда за нихъ платить... Великіе актеры получаютъ парное содержаніе... Возьмите эти двадцать фр. себѣ, какъ вознагражденіе за безконечность которыхъ я вамъ привыкъ...

Съ его лица исчезла постоянная улыбка, голосъ наивысился, а между бровями появилась глубокая складка.

— Позвольте!.. одну минуту!.. проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, удерживая меня... Я принимаю ваши двадцать фр., такъ какъ не имѣю... такъ какъ мнѣ не имѣемъ права отказываться... мы обязаны принимать...

— „Мы“ — не имѣемъ?.. „Мы“ — обязаны?.. Что означаетъ „мы“?

— Вы забываете, что находитесь въ главномъ отдѣленіи „Пауверистскаго банка“?..

— Ахъ, да!.. Совершенно вѣрно!.. Я повзбѣлъ совсѣмъ... что въ эксплуатацію нищества довели до степени финансового учрежденія... до Анонимной Компаніи!.. Простите!..

— То есть эксплуатація... богатства, хотѣли вы сказать!.. поправилъ онъ.

— Не все ли равно!.. Я сухо разсѣлся.

Онъ выѣлъ отъ меня предложеніе мнѣ кресло, самъ сѣлъ въ другое и началъ своимъ яснымъ и спокойнымъ голосомъ:

— „Вы только что дали мнѣ двадцать франковъ... Это стоитъ тѣхъ объясненій, которыя я сейчасъ буду имѣть честь вамъ предложить... Эти двадцать фр. вы даете, какъ сейчасъ сказали, мнѣ, великому актеру, за зрѣлище, которое поправилъ меня. Этими словами и этимъ предложеніемъ вы думали унизить меня!.. О, г. Девиля, вы меня не оскорбили, такъ какъ угудали правду: я дѣйствительно великій актеръ изъ Театра Сожальнѣ...

— Вы только что подъ сводами сѣдѣющаго храма, гдѣ много стонѣтъ лѣтъ уше шепчутся божественныя молитвы, подарили мнѣ милостыню... такъ какъ не дать мнѣ вы не могли... Вы должны были дать...

— Я явился предъ вами, какъ Троянская колонна Ницетъ; какъ величественный символъ бѣдности, какъ та Ренія, которую

римляне обожали... Вы были поражены мною!

— Я настаиваю, я требую милостыни!.. И мнѣ подають всѣ!.. И шваръ рсточитель, и скупогъ и обыкновенный человѣкъ—всѣ мнѣ подають, такъ какъ, давая мнѣ, они чувствуютъ внутреннее облегченіе, они думаютъ, что расчистывается со страданіями и съ голодомъ, т. е. съ человечествомъ... Я прерзалъ, я привидѣніе несчастія, и живой кошмаръ для наслаждающихся жизнью—и каждый свѣнать подать привидѣнію, то чего бы они никогда и никому не дасть!

— Мнѣ подають тѣ, которые никогда ничего не подавали... Я разбиваю самыя жестокия, самыя черныя сердца... Даже и

Выборы въ Томскѣ.

Избиратели предъявляютъ свои билеты при входѣ.

Избиратели ожидаютъ очереди у входа.

тотъ, кто наше время считаетъ счастливейшимъ, тотъ, кто не замѣчаетъ парства всеобщаго голода и нищеты, тотъ, чью душу не могутъ смягчить, слезы, мѣдъби и стоны всего человечества,—не можетъ не подать мнѣ, но можетъ не удовлетворить меня, на котораго онъ смотритъ, какъ на воплощеніе всѣхъ страданій, какъ на вѣчный и безконечный голодь, какъ на зеркало ужаса и всеобщей скорби!..

вѣсти, бросаютъ мнѣ серебро, золото и бумажки... Я являюсь прельзъ нами, какъ укоръ, какъ символъ чистой и безупречной совѣсти, какъ угрожающая статуя Командора!..

— Эти святая, коопушленными слова онъ говорилъ уже стою... Я какъ будто слышалъ колокольный звонъ!.. Онъ поклялся мнѣ великими, трагическими, недостижимыми... Это былъ сверхчеловѣкъ... Само откровеніе говорило со мною... Его бѣлое и строгое лицо испускало сіяніе, божественные лучи... Я стоялъ передъ нимъ, какъ шпидъ, какъ карликъ... Изумленный и пораженный, я молча смотрѣлъ на него...

Минуло дѣлать молчаніе. Потому онъ

чуть... Это величественное, грандіозное молчаніе!..

— Что дѣлать?.. серебить онъ. У каждого въ жизни должно быть свое дѣло... И каждый, не правда ли, предпочитаетъ то, которое ему нравится больше всего...

Я низко поклонился ему и открылъ дверь.

— Позвольте, сударь! произнесъ онъ. Признаете ли вы, что даннымъ мною вамъ сейчасъ объясненіе стоитъ тѣхъ двадцати фр., которые я у храма получалъ отъ васъ?..

— Клиныкъ честью, господинъ Лабаржобъ, они заслуживаютъ въ тысячу разъ больше!..

— Въ такомъ случаѣ вы мнѣ должны дать су... то самое су, которое вы хотѣли мнѣ дать у храма Богоматери! Онъ унизилъ и смиренно, какъ шпидъ, протянулъ руку. У меня въ карманѣ ничего не оказалось... Я обшарилъ ему прслать и—вышелъ...

Е. Г.

Парламентскій союзъ автo-комисстовъ.

„Различныя“ національныя парламентскія группы рѣшили объединиться въ общій блокъ или, вѣрнѣе, союзъ для совмѣстной тактики на Думѣ по вопросу объ автономіи. Въ союзъ вошли также представители и отъ некоторыхъ группъ господствующей народности, стоящихъ за областную автономію.

Такимъ образомъ, блокъ представляетъ объединеніе группъ разныхъ народностей, стремившихся къ достиженію самаго широкаго мѣстнаго самоуправленія и культурнаго самоопредѣленія.

Блокъ избралъ комиссію изъ 12 депутатовъ разныхъ національностей. На послѣднемъ общемъ собраніи всѣхъ національныхъ группъ 30 апрѣля принята слѣдующая резолюція:

„Всѣ народности, входящія въ составъ Россійскаго государства, кровно заинтересованы въ томъ, чтобы грядущій демократическій строй обезпечилъ всѣмъ и каждому свободу и полную ихъ духовнаго и материальнаго развитія. Поэтому они признаютъ несогласнымъ, неподуственнымъ централизацию всего законодательства и управленія въ государствѣ, столь обширномъ, разнообразномъ и сложномъ въ экономическомъ, религіозномъ и национальномъ отношеніяхъ, какъ Россія. Въ формѣ автономіи видятъ единственно целесообразное разрѣшеніе вопроса будущаго государственнаго устройства Россіи, гарантирующее ей единство и цѣлостъ.“

По сообщенію столичныхъ газетъ, 8-го мая состоялось делегатское собраніе этого союза для обсужденія программы. Были приняты три слѣдующія пункта ея. —1. Парламентская фракція союза автономістовъ объединяется или на областныхъ или на терригоріально национальныхъ началахъ для взаимной поддержки и защиты, а также для осуществленія автономной идеи на демократическомъ началѣ. 2. Парламентская фракція союза автономістовъ стоитъ на началѣ нераздѣльности и неприкосновенности границъ Россійскаго государства, какъ единого цѣлаго. 3. Такъ какъ практиковались до сихъ поръ централизмъ и вся система прежняго управленія вызвали разъединительныя центробѣжныя стремленія, то для устраненія этого явленія необходимо возможно большая децентрализація государственнаго управленія.

Окончательно программа союза автономістовъ должна быть разработана на вечернемъ совѣщаніи 9 мая.

Пока союзъ автономістовъ насчитываетъ боляе сотни членовъ.

Редакторъ-издатель: Соболевъ. Малиновскій.